

## ПРОНИКНОВЕНИЕ КИТАЙСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНУЮ СИБИРЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Во взаимоотношениях Китая с кочевыми народами Сибири материальный и духовный аспекты культуры воспринимались параллельно, но материальная культура при контактах проявлялась более наглядно и особо привлекала внимание соседей. Это проявилось в процессах взаимообмена, подражания или заимствования отдельных черт искусства, ремесла, одежды, питания, жилища, транспортных средств и т.д. Собранные данные позволили достаточно уверенно выявить главное направление и результат культурного влияния китайской материальной культуры в Южной Сибири во II в. до н.э. – начале XIII в. н.э.

**Ключевые слова:** Китай; Южная Сибирь; материальная культура; домонгольское время.

Расположенная в непосредственной близости от центра материка, Южная Сибирь начиная с эпохи бронзы находилась в тесном взаимодействии с соседними цивилизациями. Степень влияния какой-либо инородной культуры на формирующийся или уже сложившийся этнос необходимо оценивать в двух аспектах. Во-первых, это объем и удельный вес импортных товаров в местных комплексах. Во-вторых, влияние инородных элементов на развитие местной материальной и духовной культуры. На сегодняшний день большинство публикаций материалов экспедиций и исследований касается прежде всего изучения отдельных археологических памятников, типов предметов или культурных явлений на территории Южной Сибири. Наша задача – дать комплексный анализ влияния Китая на развитие материальной культуры народов этого региона в домонгольское время. Китайский импорт на территории Южной Сибири был обнаружен во время многочисленных археологических экспедиций, проводившихся в XX в.

**На Алтае в Пазырыкских курганах** в захоронениях была найдена шелковая ткань с вышивкой и китайское зеркало типа «шань цзы цзинь» IV в. до н.э. [1. С. 55–62, 68, 161–169]. Рисунок на ткани изображает деревья «удцы» с сидящими на них фениксами, близкими по стилю к изображениям фениксов на китайских зеркалах династии Чжоу и ранних циньских [2. С. 112–113]. Особо следует отметить находку лошадиных масок. Одна из них изображает крылатого грифона, похожего на грифонов из Амударьинского клада и древнекитайских ханьской эпохи [3. С. 238]. Место производства найденных тканей и зеркал – области Шу и Чу (Юго-западный Китай). Сведения, содержащиеся в «Жизнеописании Чжан Цяня» и «Жизнеописании людей, накопивших богатство», а также «Описания стран к югу от Хуа», наряду с привлечением данных археологических находок, позволили выявить неизвестную ранее систему связи по Западному Меридиональному пути, игравшему значительную роль во второй половине I тыс. до н.э. во внешних связях Юго-западного Китая и Центральной Азии [4. С. 220–221]. Помимо непосредственно китайского импорта в курганах были обнаружены предметы, изготовленные местными мастерами, но под восточным влиянием. Так, в Пазырыкских курганах были найдены саркофаги, орнаментированные вырезанными из кожи посеребренными фигурами птиц. Они представляют собой местную алтайскую переработку китайского «феникса» *фын-хуан* [4. С. 200]. Это изображение можно видеть на рельефах ханьского времени.

В *Яконуре* была обнаружена китайская лаковая посуда [5. С. 193], а также два бронзовых зеркала, близкие к позднетагарским Минусинской котловины. Значительное число таких зеркал было также обнаружено в Суйюани. В катакомбе был обнаружен саркофаг с останками старой женщины в головном уборе, орнаментированном золотыми пластинками в виде сложных «вихревых» спиралей. Эти украшения близки нефритовым пластинкам ханьского Китая [5. С. 195]. В *Большом каменном кургане* I в. до н.э. на р. Урсул в урочище *Шибэ* оказались обломки китайских лаковых чашечек 86–48 гг. до н.э. [6. Прим. 3.] Особую группу находок составляют найденные в склепе нашивные бляшки для одежды. В Китае аналогичные бляхи, украшенные изображениями зверей, найдены среди изображений колесниц Шан-Инь в Аньяне [7].

В *Берельском кургане* были найдены овальные прорезные пластинки из бересты, покрытые золотыми листками. По форме они аналогичны нефритовым пластинкам ханьского Китая. В *Каракольском кургане* в долине р. Урсул было найдено медалевидное зеркало I в. до н.э. [8. С. 102]. Такие зеркала имеют большое число аналогий в случайных находках Северного Китая [5. С. 184; 9. Pl. XLI]. В курганах *Курай* были найдены китайское зеркало VI–VIII вв. [10. С. 40. Рис. 34; 5. С. 299. Табл. L, рис. 7], поясной набор, состоявший из серебряных предметов и мешочков из китайского шелка, а также погребение мужчины с большим количеством обрывков тонкого узорчатого шелка от костюма.

В более позднем курайском кургане (IX–X вв.) обнаружилась серебряная округлая бляшка с выпуклым вписанным квадратом – имитацией китайской монеты с квадратным отверстием [10. С. 99. Рис. 25]. В *местности Кудыргэ*, на берегу р. Чулышман на Алтае, было найдено бронзовое зеркало, которое является ремесленным воспроизведением ханьского оригинала [11. С. 42–43] и монета времени Младших Хань (до 220 г.) [12. С. 76]. Также были найдены наременные пластинки, украшенные звериной орнаментикой северокайского происхождения [5. С. 294]. Здесь также были обнаружены фрагменты китайских шелковых тканей. В *Катандинском могильнике* VII–VIII вв. в большом кургане был обнаружен «фрак» из собольего меха, покрытый китайской шелковой тканью [13]. При обследовании могильной ямы были найдены фрагменты тонкой шелковой ткани полотняного переплетения [4. С. 105] и камчатая ткань темно-серого цвета. Рисунок катандинской ткани был приведен Л.А. Евтюховой [13. С. 102–104. Табл. VI].

Ближайшая аналогия Катандинской камки найдена на г. Муг [14. С. 31–36. Рис. 1–3]. Похожая камчатая ткань была обнаружена также в могиле кочевника у Наинте-суме в Монголии. Фрагмент подобной ткани, с драконами, хранится в коллекции Шосоин [15. Pl. 103. С. 97]. Особенностью этих тканей стало то, что они значительно отличаются от характерных образцов подобного типа по характеру узора. Крупный рисунок с медальонами характерен для «сасанидских» полихромных тканей, а изображение драконов внутри медальонов присуще китайским образцам танского времени. Определенное влияние китайского искусства сказалось на изображении четырехугольной деревянной пластинки из Катандинского могильника. На ней имеется схематически выполненное изображение *en face* маски зверя. Здесь проявилось прямое сходство этого рельефа с масками тао-тэе, традиционными для древнекитайского орнамента [5. С. 188]. Таким образом, через орнаментальные мотивы на ткани проявились характерные процессы взаимовлияния западной и восточной цивилизаций. Ученые считают, что в орнаментике Катандинской, Мугской и аналогичных тканей проявилось влияние сасанидского искусства на дальневосточное [16. С. 214; 17. С. 12; 18. С. 333–334, 342–343].

В погребении VIII в. у с. Туяхта Курайской степи на костяках, погребенных в курганах № 3 и 4, сохранились фрагменты китайских тканей, много орнаментированных серебряных украшений от поясов. Узор алтайских украшений происходит из звериного орнамента скифо-сибирской эпохи, а ряд характерных черт орнамента представляет собой результат китайских влияний [19. С. 95. Рис. 15; С. 104. Рис. 40. Табл. III, А и Б]. В погребениях у с. Сrostки на р. Катунь найдены китайские монеты императора Ву-цзуна IX в. Они хранятся в Бийском музее (№ 154). Одна найдена в 1930 г. С.М. Сергеевым в кургане № 2 и хранится в Сибирском отделе Государственного Эрмитажа.

**На памятниках Хакасии:** на памятнике у д. Анаш на Енисее был найден железный пинцет с бронзовым зажимчиком, который типологически близок ханьским образцам; в могильнике Есь, который расположен у слияния р. Есь и р. Тея, было найдено китайское зеркало I в. до н.э. [20. Рис. 108] с надписью: «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе» [21. С. 245. Табл. 95]; в Китайском дворце, который был найден в 1940 г. у г. Абакана, под глинобитным полом обнаружены отопительные каналы [22. С. 107–111]. Центральная, более высокая часть здания, имела массивные стены, на которые опиралась крыша из черепицы. В различных частях здания были обнаружены опорные столбы, врытые в землю и стоящие на базах из песчаниковых плит. Такая система отопления и поддержки балок перекрытия была известна в Китае начиная с бронзовой эпохи. Дворец Шан-Инь в Аньяне (XVII в. до н.э.) [23].

Здание под Абаканом было покрыто двухъярусной четырехскатной черепичной крышей. Полуцилиндры, прикрывавшие швы между плитами черепиц в той части, где они свешивались с нижнего края крыши, заканчиваются кругами, на которых штампом оттиснуты выпуклые надписи китайскими иероглифами, их содержание на всех кругах одинаковое: «Сыну неба (т.е.

китайскому императору) 10 000 лет мира и той, которой (т.е. императрице) мы желаем 1000 осеней радости без горя». По палеографическим особенностям надписи, оттиснутой на круглых дисках черепицы, здание было датировано 9–23 гг. [24]. Не согласен с этой датировкой Л.Р. Кызласов, относя памятник к более раннему времени [25. С. 54–55]. Аналогии такой черепицы найдены в Китае при раскопках поселений Циньского и Ханьского времени [26. Табл. XX, XXI, XXII, XLI, XLIII, XLIV], на глиняных моделях домов из погребений эпохи Хань, обнаруженных при раскопках у подножия гор Лао-Тэе в Южной Манчжурии [27. Tab. XLIV, XLV, fig. 3, 2]. Здесь же находят себе аналогию две бронзовые литые дверные ручки, найденные в центральном помещении дворца [5. С. 270. Рис. XLVI. 1, 2]. Они представляют собой горбоносые личины с кольцом в носу, за которое и открывались двери. Их профиль напоминает европеоидные погребальные маски таштыкской культуры из Минусинской котловины времени около начала нашей эры [28. Tab. XXIII, XXXIV, XXXV]. Отсутствие монголоидности на личинах говорит, что они отлиты местными мастерами, но все же под китайским влиянием. Создававшие их скульпторы в основу положили китайские изображения духа – охранителя дверей.

Среди предметов, найденных на памятнике, преобладают китайские: обломки сосудов, чашечка и подвеска из зеленого нефрита, коралловая бусина, перламутровые раковины и нож с массивным кольцом на рукоятке [5. С. 270. Табл. XLVI, 7]. Подобного рода чашечки, как нефритовые, так и глиняные, известны из раскопок у подножия гор Лао-Тэе [27. Tab. XIII, XXXV]. Аналогичные ножи были обнаружены в погребениях и на поселениях ханьской эпохи. В Оглахтинском могильнике, расположенном в 60 км к северу от Минусинска на правом берегу Енисея [29. Vol. XI; 30; 31], были найдены полихромные шелковые ткани III – начала IV в. [32. С. 265–273; 4. С. 194]. Также аналогии встречаются среди ханьских шелковых тканей, собранных Аузелем Стейном в Лоулани [33. Pl. XXXIV, XXXV, XLII, XLIII].

В погребениях Салбык найдены остатки лаковых изделий и китайские ткани. Однако исследования этих остатков проведены не были [21. С. 71]. В Сырском чаатасе I в. до н.э. – V в. н.э., который находится на левом берегу р. Малый Сыр [34. С. 197], среди инвентаря, сохранившегося в погребении, были обнаружены две втулки с остатками спиц и стержней от церемониальных китайских зонтов (возможно, подражаний им). В этом же склепе было найдено несколько фрагментов китайских шелковых тканей.

При раскопках склепа было обнаружено большое количество деревянных плакеток, украшенных резным орнаментом. Среди многочисленных видов узора встречается шишечный орнамент с нарезкой. Аналогичным шишечным орнаментом украшались каменные ворота ханьских гробниц Китая, более того, подобный узор был излюбленным мотивом на каменных барельефах ханьского времени [35. Т. VII–VIII, XV, XIX, XX, XXIX]. Анализируя материалы, открытые в Сырском склепе, можно сделать вывод об особом усилении культурных связей «таштыкцев» с Китаем эпохи дина-

стии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), отразившихся не только в творчестве и материальной культуре «таштыкцев», но и в обряде их погребений [35. С. 225]. Например, в Китае с эпохи Хань в могилы стали класть глиняные изображения предметов и лиц, окружавших погребенного при жизни [36. С. 20]. Аналогичный обряд можно наблюдать в склепах при погребениях таштыкской знати, подражавшей китайской аристократии. Наличие в таштыкских погребениях китайских вещей (шелка, зонтов), а также сходство с инвентарем ханьских погребений говорит о китайском воздействии. В ханьском Китае погребения сопровождалось глиняными статуэтками домашних животных, а на Енисее – деревянными, что является местной особенностью. Однако единство приемов изготовления и реализм в передаче фигур животных одинаковы. Скорее всего, влияние ханьского Китая передавалось через хуннов, в некоторые периоды владевших хакасскими землями. Об этом свидетельствует сходство таштыкских памятников с хуннской материальной культурой [37. Tab. 32, fig. 1].

В *Уйбатском чаатасе* (могильник) I в. до н.э. – V в. н.э., расположенном недалеко от ст. Уйбат [38. С. 252–256], среди находок особое место занимают части трех церемониальных зонтов (курганы № 8, 11). Назначение уйбатских зонтов может быть понято из китайского церемониала. Известно, что китайские императоры с давних времен вручали церемониальные зонты предводителям варварских племен, вступившим в союзнические отношения с Китаем. И даже если они были сделаны на Енисее и только подражали китайским, их наличие в погребениях говорит о том, что племенная аристократия перенимала церемониал представительства у китайцев или у китаизировавшихся хунну [5. С. 260]. Из китайских изделий можно отметить также обломки лакированного деревянного предмета (возможно, столика) и пластинку покрытого алым лаком китайского папье-маше [5. С. 240]. В кургане № 2 была найдена китайская лаковая чашечка [39. С. 112].

В Уйбатских курганах найдены не только предметы китайского импорта. Несколько находок деревянных резных статуэток коня свидетельствуют о влиянии китайского искусства на местные художественные традиции [5. С. 244. Табл. XXXV, рис. 9]. Все статуэтки были найдены в кургане № 8, около нескольких сожжений. Среди них: одна сильно обожженная голова лошади, одно полное туловище и остатки 9 ног, сильно фрагментированных и сохранившихся в различных частях. Аналогичны найденным на Уйбате статуэтки коней, применявшиеся в китайской погребальной церемонии в ханьское время [5. Табл. XXXVI, рис. 8].

Особый интерес вызывает найденная в кургане № 5 железная скоба с отверстиями, в которые продеты кольца с висящими на них четырехгранными бронзовыми колокольчиками-позвонками [5. Табл. XXXVI, рис. 2]. Аналоги этой находки встречаются среди бронз Северного Китая. Курганы более позднего времени (VII в.), раскопанные на Уйбате, в конструктивном плане явились прямым продолжением таштыкских. В одном из тайников погребения № 5 было найдено большое железное стремя танского времени [40. С. 159; 41. Рис. 23; 42. С. 40–41. Рис. 14–16]. Таким образом,

могилы, раскопанные на чаатасе, содержали предметы, сходные с найденными в хуннских могилах Южной Сибири. Находки китайских (или сделанных по их образцу) церемониальных зонтов, стремени и других предметов китайского импорта указывают на близкое знакомство и, более того, влияние китайской культуры на местную. Причем это влияние оказывалось на протяжении нескольких веков. В *поселении и могильнике* VI–IX вв. у с. *Малые Копёны* Богградского района был найден пинцет, который относится к анашскому типу. Подобные пинцеты встречаются на ханьских и танских памятниках [43. С. 111].

Копёнский чаатас находится в 5 км к юго-западу от села. В выбросе одного из курганов был найден красный китайский лак [10. С. 161]. В могилах Копёнского чаатаса было найдено несколько блюд. Одно из них – серебряное с тремя ножками – находит аналогии среди танских блюд [44. С. 55]. Однако наибольший интерес представляет золотое блюдо из второго тайника кургана № 2 [45. Рис. 53; 5. Табл. LVI, рис. 3]. Его поверхность украшена очень тонким чеканным орнаментом с заполнением всего фона чешуйчатым узором, что характерно для китайского искусства. Феникс с подобным хохолком в Китае изображается на ханьских рельефах [46. Pl. 17].

Ближайшей аналогией служит орнаментация шелковой ткани танской эпохи, украшенной растительным узором [46. Pl. 42]. В изображениях грифов на «облаках» также выражено китайское влияние. В клювах у них расцветающий ромб. Эта деталь находит аналогии в изображении на танском зеркале пары птиц, также держащих в клюве ромб (ромб с лентами служит в Китае символом победы [47]) с петлями по углам и лентами снизу [48. Pl. XXXVIII]. В этом же стиле, что и блюдо, но в усложненном виде сделаны чеканные орнаменты одного из золотых кувшинов из первого тайника кургана № 2 [45. Табл. IV, рис. Б; Табл. V, рис. 48; 5. Табл. LVI. Рис. 2].

В двух тайниках, обнаруженных в кургане № 6 Копёнского чаатаса, были найдены наборы сбруйных украшений и принадлежностей VII–VIII вв.: наременные бронзовые нашивки и обоймочки, бубенчики, железные стремени и удила [5. Табл. LVII, рис. 9]. Наиболее близкие аналогии были найдены в Китае [49. P. 325. Fig. 1, 2]. Кроме всех этих изображений, в состав каждого набора входят бляшки в китайском стиле [50. Pl. 41]. Таким образом, находки из Копёнского комплекса дают возможность сделать вывод, что древнее хакасское население не только имело представление о китайском искусстве, но и органично включало его традиции в свою культуру.

Около с. *Батени* была найдена сделанная в Китае алтарная группа – пять фигур, установленных на подставке: Будда, бодхисатвы и лев. Она найдена и хранится в Государственном историческом музее (инв. № 54746–3605) [51. С. 32]. О происхождении этого памятника свидетельствует китайская надпись: «Генерал Ши сделал это для своего усопшего брата». По качеству выполнения алтарь из Батеней представляет собою типичное произведение буддийского искусства IV–VI вв., однако на Енисей он попал лишь в IX в. Поскольку это произведение буддийского искусства было единственным,

найденным у кыргызов, а письменные источники ничего не сообщают о проникновении буддизма на эту территорию, то, возможно, что на Енисей алтарная группа попала в качестве трофея после одного из походов кыргызов на уйгуров [5. С. 247–248].

В Минусинском музее хранится железный пинцет из окрестностей с. Батени, однотипный найденному у д. Анаш и из окрестностей с. Копёны, с петлей для цепочки [43. С. 111]. Подобные пинцеты встречаются на ханьских и танских памятниках. В *кладе из с. Тюх-таты* на р. Казыре [52. С. 95] были найдены 4 китайские монеты императора Ву-Цзуна, датирующиеся 814–846 гг. (хранятся в Минусинском музее, монеты 5816, 5884–5886) [53. Табл. IV, рис. 37, 38. Табл. V–I. Табл. VI, рис. 21–26]. Аналогичная находка была сделана в сrostкинских погребениях [5. С. 311]. Китайское происхождение имеют стремена с пластинчатым ушком (хранятся в Минусинском музее, № 5183), аналогичные исследованным на Уйбатском чаатасе [5. С. 326]. В окрестностях с. *Каптырево* в Минусинской котловине было найдено 8 цзиньских монет (XII в.) [52. С. 96].

**На памятниках Тувы:** в *могильнике Аргалыкты* древнетюркского времени при раскопках кенотафа были найдены фрагменты шелковых тканей [54. С. 65. Рис. 27]; в погребении алтае-телеских тюрков *Саглы-Бажи* в одном из курганов найден обломок китайского зеркала [55]; в *могильнике VIII–IX вв. Аймырлыг* были найдены фрагменты китайского шелка, монеты «кайюань тунбао» (713–741 гг.) и зеркала [56]; в *Бай-тайгинском* погребении алтае-телеских тюрков в захоронениях найдены фрагменты китайской шелковой ткани и монета типа «кайюань тунбао» [55. Рис. 19–22]; в *могильнике Чааты II* у г. Бай-Даг уйгурского периода в кургане № 75 были обнаружены фрагменты китайской шелковой ткани [57. С. 189]; в захоронениях VII в. в районе *Мунгун-тайги* на левом берегу р. Каргы [58] были найдены танское бронзовое зеркало и остатки нескольких одежд, изготовленных из шелковых китайских тканей [4]; в погребении VIII–IX вв. было найдено серебряное зеркало Цинь Вана и гребень в шелковом мешочке [58. Рис. 20]; в *могильнике Капчалы (IX–X вв.)*, который находится в 15–30 км от Сырского чаатаса, среди изделий из керамики найден сосуд, так называемая кыргызская ваза. По качеству этот сосуд напоминает черепицу китайского дома близ Абакана. Можно предположить, что секрет выделки черепицы, которую некогда делали местные мастера под руководством китайских, сохранился до эпохи появления гончарного ремесла в государстве кыргыз-хакасов.

В кургане № 5 были найдены стремена, украшенные серебряными аппликациями, напоминающими китайское стремя [40. Рис. 23]. Найденные здесь стремена плохого качества и сделаны местным мастером, но, несомненно, по китайскому образцу. Китайские серебряные аппликации от какого-то сгоревшего предмета были найдены и в кургане № 4 [59. С. 126. Рис. 1, 35]. В кургане № 19 курганной группы Капчалы II была найдена китайская монета императора Ву-Цзуна (IX в.) [59. С. 134; 34. С. 256]. На *поселении Оймак* (XI–XII вв.) близ г. Шагонара среди китайских вещей можно отметить сунскую посуду XI–XII вв. и монету «Да

Дин тун-бао» [60. С. 78]. В *урочище Чурумал* на р. Чаа-Холь в 6 км от поселения Оймак были обнаружены обломки граненого обелиска с китайской надписью. В результате раскопок поселения второй половины XII в. в *урочище Дён-Терек* на р. Элегест был открыт город, который был центром северной провинции государства каракитаев [60. С. 75].

Исследования показали, что в широком ходу у каракитаев были привезенные из Китая поливные фаянсовые сосуды, фарфоровая и стеклянная посуда, а также чаши из высококачественного селадона типа «краклэ». Особенно выделяется голова дракона, сделанная из серой обожженной глины, которая находит аналогии в китайской коллекции архитектурных фрагментов, собранных в окрестностях Кульджи [61. С. 106]. Все эти изделия датируются сунской эпохой (XI–XII вв.). К этому же времени относятся все 8 медных монет китайского типа, найденные на городище. Все они имеют одинаковую надпись «Да Дин тун-бао» («расходная монета (правления) Да Дин»). Эти монеты выпускались с 1161 по 1189 г. императором Ши-цзуном чжурчженьской династии Цзинь [60. С. 78].

**На памятниках Прибайкалья:** при раскопках *около Курмы* на территории Ольхонского края был найден бронзовый сосуд полушаровидной формы типа «северокитайский котел» [62]. Этот котел аналогичен найденным у г. Нижнеудинска и на р. Киран [63. С. 257]; из *окрестностей г. Нижнеудинска* в Прибайкалье в 1921 г. в Иркутский музей было привезено два бронзовых сосуда типа «северокитайские котлы» [63. С. 253–258].

**На памятниках Забайкалья:** в *Дэрестуйском кул-туке* (могильник) III–I вв. до н.э., который находится в 50 км от г. Кяхта [64. С. 9–32; 65. С. 32–41; 66. С. 168–176], среди материала выделяются китайские вещи: остатки шелка, три бронзовые колоколовидные подвески с треугольными вырезами [67. С. 47], китайские монеты [68. С. 39; 65. Табл. II, рис. 7, *д*; табл. III, рис. 10, *о*; 69. Табл. XXI, рис. 5]. В древности они, вероятно, были положены в кожаные или матерчатые мешочки, которые крепились на поясе. Монетные находки из Дэрестуйского могильника были определены как китайские монеты «у-шу», выпускавшиеся несколько раз в период с 118 г. до н.э. до 618 г. н.э. [66]; на *Иволгинском городище*, расположенном близ Улан-Удэ. Техника строительства, форма строений, отопительные трубы (каны) [70. С. 268–273, 296] указывают, что оно было основано и заселено китайцами. Это предположение подтверждается письменными источниками, большинство которых было исследовано Н.Я. Бичуриным. На их основе ученый делает вывод, что именно район оз. Байкал был обычным местом ссылки задержанных хуннами китайских послов [71. С. 78]. Керамика с Иволгинского городища по технологии и орнаменту типично китайская [67. С. 60]. Некоторые сосуды имеют иероглифическое клеймо. Более того, даже предметы, изготовленные из местных материалов, подписывались китайскими иероглифами. Китайского типа и найденные на городище украшения [69. С. 142–143]. По китайским изделиям и иероглифам можно датировать городище I в. до н.э. – I в. н.э.

В могильнике *Ильмовая падь* хуннского времени, который располагается в районе с. Усть-Кяхта, найдены китайские зеркала, обрывки материи, листочки золота и пр. Гробы в некоторых могилах извне и изнутри были обиты шелковыми тканями [72. С. 60–62]. В погребениях Ильмовой пади были найдены фрагменты лака и лакированных чашечек 2 г. до н.э. [73. С. 38. Рис. 6]. При раскопках Ильмовой пади найдены парные экземпляры костяных палочек для еды. Подобные палочки до сих пор используются в Китае. Таким образом, находки в могилах Ильмовой пади шелковых тканей, остатков лакированных чашечек и других предметов указывают на существование культурных связей между древним населением Забайкалья и Китаем в эпоху около начала нашей эры [72. С. 65]. В *Суджинском могильнике*, одном из захоронений Ильмовой пади, найдены фрагменты двух китайских зеркал [67. С. 91. Рис. 65, а, в; 74]. В районе *р. Хилок* в Забайкалье было обнаружено ханьское бронзовое зеркало [75]. В могильнике *Черемуховая падь* (хуннское время), расположенном в Кяхтинском районе Бурятии, в трех погребениях были найдены обломки китайских бронзовых зеркал [69. С. 153. Табл. XXI, рис. 7–9]. В могилах № 2 и 38 были найдены 3 фрагмента китайских зеркал типа TLV. Во всех погребениях были найдены следы шелковой ткани. Среди других предметов китайского импорта надо отметить железные пластинки со следами воронения и лакировки (погр. № 7), фрагмент железной пряжки со следами краснолакового покрытия (погр. № 50), костяные палочки для еды (погр. № 60, 61). В погребениях № 13, 40, 59 и 60 были обнаружены мелкие корочки от лакового покрытия сосудов.

**Предметы китайского импорта, хранящиеся в музеях.** Среди предметов, собранных на территории Южной Сибири, довольно большое количество случайных находок, которые не атрибутируются с какими-либо конкретными археологическими памятниками или происходят из хаотически разграбленных могильников. Эти вещи находятся во многих частных коллекциях, например в собрании антиквара Лу [9]. Небольшими группами они разбросаны по всем большим музеям.

Особенно объемная коллекция собрана в Стокгольмском музее дальневосточных древностей и в Национальном музее Финляндии (коллекция Товостина) [76]. Среди комплексов случайных находок – значительное количество китайских тяжелых, литых из чугуна плужных лемехов с отвалами. Один из них хранится в Государственном историческом музее (№ 54746–1642, 3810), два известны из ленинградских собраний и двадцать экземпляров находятся в Минусинском музее (№ 1187–1204 и 1281). Нумизматический материал, собранный на территории Южной Сибири и прежде всего в Минусинской котловине, был выделен и исследован С.В. Киселевым [52]. Одна из самых больших коллекций китайских зеркал, найденных в южно-сибирском регионе и хранящаяся в музеях не только на территории России, но и за рубежом, была изучена и опубликована в монографии Е.И. Лубо-Лесниченко [20]. В последнее десятилетие XX в. вышел в свет каталог китайских зеркал из Омского государственного историко-краеведческого музея [77].

Проникновение материальной культуры Китая в Южную Сибирь осуществлялось за счет таких факторов, как культурные центры по маршрутам торговых путей и участие китайцев в сфере торговли, ремесел и искусства, а также в результате осуществления китайской официальной доктрины распространения имперского влияния на окружающие народы. В частности, проникновение китайцев в Центральную Азию шло несколькими путями, наиболее известны из которых Южная и Северная дороги, проходившие через Восточный Туркестан в Среднюю Азию. Южная дорога вела в Бактрию и Парфию. Северная дорога, начинаясь в Турфанском оазисе, шла к Фергане и Среднеазиатскому Междуречью. У местных торговцев скапливалось много товаров, привозимых из Китая, прежде всего шелковых тканей, бронзовых зеркал, монет и других образцов материального обмена. Но с того времени, как в середине VIII в. западный и центральный участки Шелкового пути попали под арабское влияние и тибетский контроль, трансконтинентальная торговля и культурные связи Средней Азии с Китаем быстро пошли на убыль. Именно это обстоятельство способствовало формированию обходного (Кыргызского) пути, связавшего Китай с Южной Сибирью. Эта дорога вела в предгорья монгольского Алтая и далее через Туву к Минусинской котловине.

По этому пути шла интенсивная торговля с оазисами Восточного Туркестана и странами Среднего Востока. О внешних связях Южной Сибири с китайской империей свидетельствуют находки бронзовых зеркал, монет, шелковых тканей, ювелирных и лаковых изделий, сельскохозяйственных орудий. Коллекция китайских зеркал, обнаруженных в Минусинской котловине и окружающих ее районах, позволяет считать этот регион крупнейшим центром находок танских зеркал за пределами Китая.

Помимо торговли, важным аспектом проникновения китайской культуры, прежде всего материальной, в Центральную Азию были дипломатические контакты, которые сопровождались активным обменом посольствами и дипломатическими миссиями, а следовательно, и подношением подарков. Путь проникновения китайцев на Запад был четко обозначен «следами» в виде артефактов, оставляемых посольствами по пути их следования к месту назначения. Идеи распространения китайского влияния отвечали и такие дипломатические приемы, как заключение договоров, гарантии которых обеспечивались заложничеством или династийными браками. И бывшие заложники, воспитанные в конфуцианском духе, вернувшись домой, и китайские принцессы с огромной свитой отправленные на Запад, становились проводниками китайской культуры в Южной Сибири. Особенно успешно эта политика практиковалась в отношениях с воинственными кочевыми народами – хуннами, усуями, юэжями и др. Наличие большого количества материальных объектов китайской культуры на памятниках Южной Сибири позволяет нам говорить о значительных масштабах китайского проникновения в этот регион.

Собранные нами данные позволили достаточно уверенно выявить главное направление и результат культурного влияния китайской материальной куль-

туры в Центральной Азии во II в. до н.э. – начале XIII в. н.э. Влияние китайской материальной культуры имело принципиальное значение для появления определенных отраслей местного производства. Проникновением значительного числа китайских элементов можно объяснить инновации в традиционных областях материальной культуры: появление новых типов зеркал практически на всей территории Южной Сиби-

ри; некоторых видов домашней утвари – низких деревянных столиков, плетеных изделий, керамической селадоновой и фарфоровой посуды, бронзовых котлов, металлических ухверток-булавок, пинцетов; украшений и т.д. Усвоение лучшего из культур других стран, в частности строгий отбор достижений китайской цивилизации, стало одним из факторов развития культур народов Южной Сибири.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Karlgren B.* Huai and Han // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1941. № 13.
2. *Руденко С.И.* Пятый Пазырыкский курган // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК)*. 1951. Вып. XXXVII.
3. *Киселев С.В.* Советская археология Сибири периода металла // *Вестник древней истории (ВДИ)*. 1938. № 1(2).
4. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. М., 1994.
5. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
6. *Griaznov M.P.* The Pazirek Burial of Altai // *The American Journal of Archaeology*. 1933. Vol. XXVII, № 1.
7. *Greel H.G.* La naissance de la Chine. P., 1937.
8. *Киселев С.В.* Из работ Алтайской экспедиции // *Советская этнография (СЭ)*. 1935. № 1.
9. *Salmony A.* Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. Paris, 1933.
10. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // *Труды Государственного исторического музея*. М., 2003. Вып. XVI.
11. *Руденко С.И., Глухов А.* Могильник Кудыргэ на Алтае // *Материалы по этнографии*. Л., 1927. Т. III, вып. 2.
12. *Этнографические экспедиции 1924–1925 гг.* Л., 1926.
13. *Захаров А.А.* Материалы по истории Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // *Труды Государственного исторического музея*. Вып. 1: Разряд археологический. М., 1926.
14. *Бентович И.Б., Гаврилова А.А.* Мугская и Катандинская камчатые ткани // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии*. 1972. Вып. 132.
15. *Treasures of the Shosoin*. Tokyo, 1962. Vol. I–III.
16. *Евтюхова Л.А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // *Советская археология (СА)*. 1957. № 2.
17. *Mahler J.* The westerners among the figures of the T'ang dynasty of China. Roma, 1959.
18. *Chirshman R.* Iran. Parthians and Sassanians. London, 1962.
19. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. // *ВДИ*. 1939. № 4.
20. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М., 1975.
21. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
22. *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское здание на древнем Енисее // *ВДИ*. 1946. № 1.
23. *Greel H.G.* The Birth of China. London, 1939.
24. *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* «Дворец Ли Лина» и конец одной легенды // *СЭ*. 1976. № 3.
25. *Кызласов Л.П.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.
26. *Nan-Schan-Li.* Brick Tombs of the Han Dynasty at the Foot of Mount Lao-T'ieh, South Manchuria // *Archeologia Orientalis (AA)*. Tokyo; Kioto, 1933. Т. III.
27. *Ying-Gheng-Tsu.* The Han Brick-Tomb with Fresco-paintings near Chien-dur Ch'engin South Manchuria // *AA*. Tokyo; Kioto, 1934. Т. IV.
28. *My-Jang-Gheng.* Han and pre-Han sites at the Foot of Mount Lao-T'ieh in South Manchuria // *AA*. Tokyo; Kioto, 1931. Т. IV.
29. *Tallgren A.M.* The South Siberian Cemetery of Oglakty from Han Period // *Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA)*. 1931. Vol. XI.
30. *Сосновский Г.П.* О находках Оглахтинского могильника // *Проблемы истории материальной культуры*. Л., 1933. № 7–8.
31. *Kyzlassow L.* Das Grabmal am Yenissey // *Ideen des exacten Wissens*. 1971. № 8.
32. *Крюков М.В.* История Восточного Туркестана во II в. до н.э. – VI в. н.э. // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*. М., 1988.
33. *Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Oxf., 1928.
34. *Кызласов Л.П.* Сырский чаатас // *СА*. 1955. № XXIV.
35. *Chavannes E.* Mission archéologique dan la Chine Septentrionale. P., 1909.
36. *Глухарева О., Денике Б.* Краткая теория искусства Китая. М.; Л., 1948.
37. *Treve C.* Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932.
38. *Киселев С.В.* Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. // *ВДИ*. 1939. № 1.
39. *Евтюхова Л.А.* К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // *Труды Государственного исторического музея (ТГИМ)*. Вып. VIII.
40. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
41. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов // *КСИИМК*. 1947. Вып. XVII.
42. *Евтюхова Л.А.* Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса // *КСИИМК*. 1948. Вып. XXIII.
43. *Кызласов И.Л.* Орудия таштыкских ювелиров // *СА*. 1985. № 1.
44. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. М., 1971.
45. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаа-гас у с. Копён // *ТГИМ*. М., 1940. Вып. XI.
46. *Ashton L., Gray B.* Chinese Art. L., 1936.
47. *Fry R., Backham B.* Chinese Art. L., 1925.
48. *Tch'ou To-yi.* Bronze antiques de la Chine. P., 1927.
49. *Salmony A.* Eine chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien // *ESA*. Helsinki, 1934. Т. IX. P. 325.
50. *Exhibition of Chinese Art*. Mills College. California, 1934.
51. *Каталог выставки «Искусство Китая»*. М., 1940.
52. *Киселев С.В.* Из истории торговли енисейских кыргызов // *КСИИМК*. 1947. Вып. XVI.
53. *Chandoir S.* Recueil de monnaies de la Chine, du Japon de la Coree, d'Annam et de Java. СПб., 1842.
54. *Сакамото К., Лубо-Лесниченко Е.И.* Группа камчатных тканей VII–VIII вв. из Центральной Азии и Японии // *Труды Государственного Эрмитажа*. Л., 1989. Т. XXVII.
55. *Грач А.Д.* Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*. М.; Л., 1966.

57. *Овчинникова Б.В.* К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
58. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979.
59. *Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве (Полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л., 1960. Т. 1.
60. *Левашиова В.П.* Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. № 24.
61. *Кызласов Л.Р.* Средневековые города Тувы // СА. 1959. № 33.
62. *Моложатова М.И.* Древние китайские архитектурные фрагменты из Кульджи в Музее искусств Узбекистана // Труды ТашГУ. 1963. Вып. 200.
63. *Агапатов Н.Н.* Прибайкальские древности // Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. 1881. Т. XII, № 4–5.
64. *Рыгдылон Э.Р., Хороших П.П.* Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея // СА. 1959. № 1.
65. *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Материалы по палеэтнологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества (ТКОПОРГО). Т. III, № 2, 3. Иркутск, 1902.
66. *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Материалы по палеэтнологии Забайкалья // Труды ТКОПОРГО. Т. IV, № 2. М., 1902.
67. *Сосновский Г.П.* Дэрестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1–2.
68. *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. ; Л., 1962.
69. *Сосновский Г.П.* О поселении гуннской эпохи в долине реки Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. М. ; Л., 1947. № 14.
70. *Коновалов П.Б.* Погребальные памятники хунну : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1975.
71. *Давыдова А.В.* Иволгинское городище // СА. 1956. № XXV.
72. *Бичурин И.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л., 1950. Т. I.
73. *Сосновский Г.П.* Раскопки Ильмовой пади // СА. 1946. № VIII.
74. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
75. *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1898. Т. I, вып. 2.
76. *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5.
77. *Tallgren A.M.* La collection Tovostine. Helsingfors, 1917.
78. *Боковенко Н.А., Данченко Е.М., Лубо-Песниченко Е.И., Матвеев А.В.* Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК музея. URL: [http://museum.omsktelecom.ru/ogik/scien\\_life/Izvestiya7/Danchenko.html](http://museum.omsktelecom.ru/ogik/scien_life/Izvestiya7/Danchenko.html)

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июня 2012 г.